

# ЖИВА

№ 16. Выходит еженед. (в 16-й год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и И. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Гепер-карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 Лѣт. „Новѣйшихъ модъ“ в 12 лѣт. черт. и выкр. Выдастъ 18 апрѣля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ порос. 20 к.

**Содержаніе.** Т Е К С Т Ъ: Стихотвореніе Елизаветы Исполатовой.—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Стихотвореніе Павла Орбаникова.—На милопольскѣ. Стихотвореніе Сергѣя Махлена.—Черноморскій флотъ въ войнѣ съ Турціей. Очеркъ М. Катаева. (Съ 2 портр.).—Боиричь Лопухъ. Рассказъ Бориса Садовскаго.—На медвильѣ. Рассказъ Граалы Арельскаго. (Окончаніе).—Польша. Стихотвореніе Павла Орбаникова.—Англичане. Очеркъ К. Чуковскаго.—Заявленіе.—Объявленіе.—Отклики войны.  
Р И С У Н К И: Перемышль (5 рис.).—Въ Свѣтлый праздникъ на позиціяхъ (3 рис.).—Бельгійскій генераль де-Виттъ.—Старшій унтеръ-офицеръ Порфирій Панастикъ.—На кавказскомъ фронтѣ.—Изъ дѣйствующей арміи (6 рис.).—Въ виду неприятельскаго разбѣда.—Мостъ, разрушенный австріяками при отступленіи.—Городъ Галичъ.—Сибиряки передъ посадкой.—Въ разрушенной Польшѣ (2 рис.).—Братскія могилы въ Казенядахъ.—На галицкомъ фронтѣ.—На франко-германскомъ фронтѣ.—Убитые германцы.—Обозъ на привалѣ.—Англійскій окопъ во Фландріи.—На помощь метрополи (2 рис.).—Наши военные летчики (2 рис.).—На позиціяхъ.—Наши союзники (3 рис.).—Англійская армія во Франціи (3 рис.).

Нѣ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ кн. 6.

\* \* \*

...Да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ жельзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ! (Изъ Высочайшаго Манифеста 26 июля 1914 г.)

Съ крестомъ въ сердцахъ, жельзо взявши въ руки,  
Они идутъ, отнагою горя.  
Пусть врагъ грозитъ, готова злая мука,  
Они идутъ безъ трепета разлуги,  
Чтобъ умереть за братьевъ и Царя.  
Блестя въ лучахъ, колышутся знамена,  
Размѣренъ шагъ и ясна хмурость лицъ...

Полъ блескомъ звѣздъ чуждаго небосклона  
Они падутъ безъ трепета, безъ стога.—  
Но, грозный врагъ, и ты прострѣшься ницѣ!  
Ужъ близокъ часъ!.. Побѣды слышны звуки,  
Побѣдный вѣтръ играетъ въ знаменахъ!..  
Дрожи, палачъ!.. Повергнутый во прахъ,  
Отвѣтишь ты за слезы, кровь и муки...  
Поднялась Русь, жельзо взявши въ руки,  
Съ крестомъ въ безтрепетныхъ сердцахъ!..

Елизавета Исполатова.

## Дневникъ военныхъ дѣйствій.

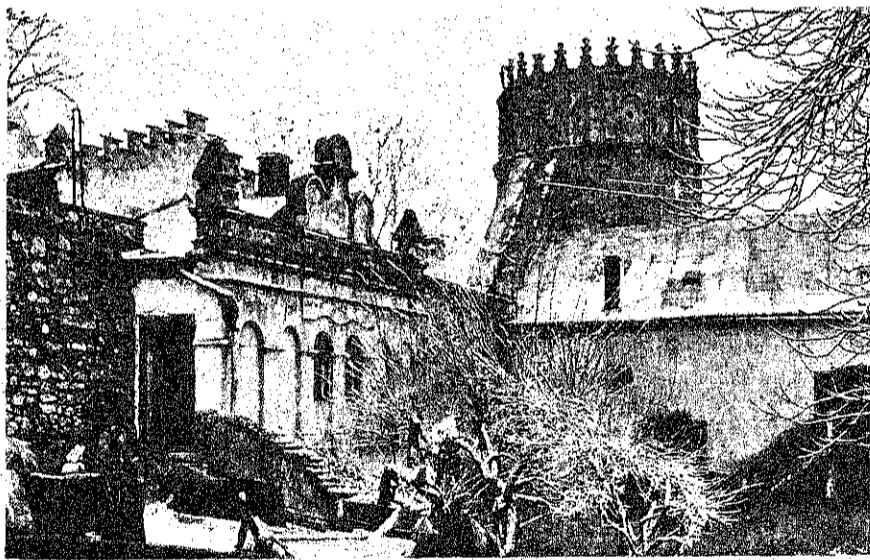
К. Шумскаго.

### Чего мы добились на Карпатахъ?

Черезъ збѣнецъ послѣ паденія Перемышля закончилось великое Карпатское сраженіе, результаты котораго совершенно по-

дѣленно указало, что цѣлью большаго сраженія на Карпатахъ была задача занять командующія надъ Венгерской равниной позиціи, и вполнѣ понятно, что это не одно и то же, что немедленное движеніе послѣ паденія Перемышля къ Вудапешту.

Сообщеніе это представляетъ громаднѣйшій интересъ еще потому, что изъ него можно понять, какое значеніе имѣетъ австрійскій фронтъ, т. е. какой фронтъ является главнымъ—австрійскій или германскій, и на какомъ изъ этихъ фронтовъ будетъ поведено главное наступленіе. Другими словами, на основаніи этихъ послѣднихъ извѣстій можно болѣе опредѣленно уста-



Перемышль. Замокъ Казимира Великаго.

вернули всю стратегическую обстановку. Нашъ штабъ призналъ необходимымъ выпустить официальное сообщеніе съ подробнымъ изложеніемъ какъ хода Карпатскаго сраженія, такъ и мотивовъ, вызвавшихъ эту безпримѣрную кровавую борьбу у порога Венгерской территоріи. Сообщеніе это является весьма важнымъ, ибо къ концу войны всѣмъ разнорѣчивымъ толкамъ по поводу этого сраженія, гдѣ весьма многіе довольно неправильно предполагали, что мы сейчасъ же послѣ паденія Перемышля двинемся прямо на Вудапештъ. Наше официальное сообщеніе опре-



Перемышль. Наблюдательный пунктъ австріяцевъ подъ видомъ часовни.

## АНГЛИЧАНЕ.

Очерки К. Чуковского.

## I. Навстрѣчу врагу.

„Первая ваша задача — истребить коварных англичан, раздавить маленькую презрительную армию генерала Френча. Сосредоточьте на этой единственной цели все свое военное искусство и всю доблесть своих солдат. Это нужно сделать немедленно. Таков мой императорский приказ.“

Когда кайзер подписывал эту бумагу, Томми Аткинс<sup>\*)</sup>, не подозревая о грозной напасти, беззаботно шагала по дорогам на передовые позиции и в великодушном расположении духа напевала свою новую пѣсню:

Далеко до Тинперери,  
Далеко!

Что это за Тинперери, никому неизвестно. На всемъ земномъ шарѣ такой мѣстности нѣтъ. Но въ томъ-то и сказалося беззаботное настроение Аткинса, что онъ, стираемая въ походѣ, избрѣлъ эту смѣшную Тинперери.

Въ карманѣ у него были напутственный приказъ лорда Китченера, въ коемъ коротко и ясно перечислены все обязанности британскаго воина: „не робѣй, не будь трусомъ, будь добръ и възлюбивъ къ женщинамъ (но только възлюбивъ, не больше!) и помни, что мародерство — позоръ“.

Вереницами пересѣкая Ламинанъ, британскія суда безпрерывно доставляли къ берегамъ континента „ничтожную армию“ сэра Джона Френча, а хваленый германскій флотъ, не въ силахъ воспринять вѣстия, безславно скрывался вдали, въ безопасности своихъ собственныхъ гаваней.

Все произошло очень быстро. Томми Аткинсъ очутился во Франціи. Онъ идетъ на передовыя позиции. Если родина, соблюдая военную тайну, не устроила ему торжественныхъ проводовъ, то чужбина встрѣтила его такъ горячо и сердечно, что онъ былъ ошеломленъ и польщенъ. Французы и бельгийцы привѣтствовали въ немъ своего избавителя и на каждомъ шагу изъясляли свою благодарность.

Одинъ англичанинъ рассказываетъ: „Въ Булонь прибывали транспорты за транспортомъ; полкъ за полкомъ вступалъ на берегъ. Экстазъ населения росъ. Съ пѣнями, со свистомъ и съ шутками проходили британскія войска по узкимъ улицамъ стараго города, махая фуражками женщинамъ, посылая поцѣлуи дѣтвора. Ихъ галантное обращеніе и веселыя лица возбуждали къ нимъ глубокое чувство признанія, и въ толпѣ повторялось не разъ: „какъ весело идти вамъ на смерть“.

Шотландскія воиники такъ странно звучали на улицахъ стараго города. Странно было видѣть британцевъ, которые поютъ маршевую пѣсню. Но страннѣе всего для французскаго уха звучалъ новый воинственный кличъ, привозенный изъ-за моря англичанами:

— Кажется, мы робѣли? — негромко произноситъ одинъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ!! — оглушительно отвѣчаетъ весь полкъ.

Этимъ „нѣ-ѣ-ѣтъ“ они замѣнили „ура“, съ которымъ прежде бросались въ атаку.

И всѣхъ удивляла другая новинка, которую Аткинсъ уже усчиталъ обезсмертить: новая походная пѣсня:

Далеко до Тинперери,  
Далеко!  
Разставаться съ милой Мери  
Не легко!

„Прощай же, Пикадилли, — говорится въ этой пѣснѣ дальше, — прощайте, милыя улицы Лондона! Тинперери далеко, но сердце мое тамъ“.

Тинперери въ началѣ войны стало въ Англійи популярнѣйшимъ словомъ. На каждомъ шагу встрѣчались бисвиты Тинперери, шоколадъ Тинперери, воротнички Тинперери. Даже общество для вспоможенія воинамъ окрестило себя этимъ именемъ.

Сплошнымъ празднествомъ было шествіе британскихъ солдатъ къ полю битвы. Въ письмѣ, опубликованномъ въ „Таймсѣ“, одинъ артиллерійскій офицеръ такъ описываетъ этотъ памятный путь:

„Встрѣча была изумительная. Намъ забросали цвѣтами. Какое-то триумфальное шествіе! Въ деревняхъ вдоль дорогъ и на всѣхъ перекресткахъ женщины, мужчины и дѣти съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ насъ. Каждый жаждетъ дать намъ что-нибудь, сдѣлать намъ какой-нибудь подарокъ. Они срываютъ въ своихъ садахъ все цвѣты и такъ украшаютъ наши моторы, будто теперь карнавалъ. Они заваливаютъ насъ шоколадомъ, папиросами, фруктами, хлѣбомъ, — всякой величиной, всего не опишешь. Вчера и задер-

жался въ одномъ городишкѣ: нужно было купить керосину; сразу собралось человѣкъ двѣсти, совали мнѣ какіе-то альбомчики, просили написать нѣсколько словъ. Просто помраченіе какое-то! Въ другомъ городѣ я остановился на часъ сдѣлать кое-какія покупки. Мнѣ нужны были автомобильныя очки, ванночка для промыванія глазъ, склянка борной и кое-что изъ провизіи. Все это дали мнѣ даромъ, не позволивши заплатить ни сантима; а выпивка и закуска своимъ чередомъ! И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Что же будетъ, когда кончится война!“

„Вы бы посмотрѣли на нихъ! — пишетъ одинъ рядовой легкой Юрипрерской пѣхоты. — Они просто ошалѣли отъ радости. Жаль, что мы не понимаемъ ихъ словъ. Чуть мы перешли за бельгійскій рубежъ, мы увидѣли большую толпу. Надъ нею развѣвался нашъ флагъ, на которомъ было начертано: „Да здравствуютъ товарищи-британцы!“ Бельгийцы рады отдать намъ послѣднее: срываютъ съ кроватей простыни и дѣлаютъ для насъ утиральники“.

Другіе солдаты рассказываютъ, какъ, маршируя по улицамъ, они были осаждаемы французскими цѣбушками, которыя, идя съ ними объ руку, отрывали себѣ на память отъ ихъ мундировъ и куртокъ блестящія солдатскія пуговицы.

Угощенія, подарки и ласки очень понравились Аткинсу. Онъ былъ бы радъ съ головой окунуться въ эту уютную атмосферу любви. Идя на смерть, онъ тѣшилъ себя, какъ ребенокъ, подарками, сладостями и лакомствами.

„Сейчасъ я квартирую на фермѣ, — благодушно повѣтствуетъ одинъ. — Сплю въ самой лучшей спальнѣ, пью сидръ, кофе, коньякъ, ѣмъ бѣлочки, сливки, отличнѣйшій домашній сыр, — и не плачу ничего!.. Милая сторона, эта Франція! Хорошо бы завести здѣсь хозяйство. Все такъ и претъ изъ земли. Климатъ — одно удовольствие! Похоже на Ирландію, но въ десять разъ лучше!“

И онъ добавляетъ съ печалью:

„Жаль, что такую милую землю вѣмцы разорили и непоко-стили!“ (John Adcock. „Stories of the War“, p. p. 136—137).

Но кончили праздничныя пути. Томми Аткинсъ въ боевомъ огнѣ. Ему данъ приказъ отступить. Въ эти черныя дни англичане проявили столько самоотверженія и рыцарства, что ихъ боготворили вездѣ, гдѣ только они ни являлись.

Чѣкоторые тогдашнія письма изображаютъ мрачными красками жалкихъ измученныхъ бѣженцевъ, которые, заслышавъ о приближеніи вѣмцевъ, испепеляющихъ на своемъ пути всю страну, покинули родные очаги. „Это такъ обидно и горько, что невозможно удержаться отъ слезъ“, — читаемъ въ одномъ солдатскомъ письмѣ. Не разъ въ этихъ письмахъ рассказывается, какъ солдаты отдавали свой паекъ голодающимъ и таскали ихъ дѣтей на плечахъ, чтобы измученныя матери, бѣгущія изъ родныхъ городовъ, не упали тутъ же на дорогѣ.

## II. Дѣти и женщины.

Состраданіе къ дѣтямъ и женщинамъ — характерная черта этихъ писемъ. Известно, что при всѣхъ катастрофахъ, кораблекрушеніяхъ, пожарахъ британцы добровольно тонули, сгорали, лишь бы спаслись дѣти и женщины. У нихъ это стало инстинктомъ. „Дѣти и женщины“, — для нихъ священное слово. И никакія жестокости этой жестокой войны не внушаютъ англійскимъ солдатамъ столько отвращенія и ужаса, какъ бѣдствія женъ, матерей и сиротъ, пострадавшихъ отъ нашествія вѣмцевъ. Даже собственныя раны и муки не такъ удручаютъ ихъ. Великодушно звучитъ эта фраза въ письмѣ сержанта Джо Варбера:

„Вѣмцы кидаютъ съ аэроплановъ гранаты, но, къ сожалѣнію, попадаютъ не въ насъ, а все больше въ женщинъ и дѣтей“ („Daily News“, 16 ноября 1914).

Одинъ раненый пишетъ о себѣ мимоходомъ:

„Кажется, мнѣ отрѣжутъ два пальца; въ четвергъ у меня вынули двѣ пули“.

Но не это занимаетъ его. Главная его мука такая:

„Страшно видѣть женщинъ и дѣтей, въ ужасѣ бѣгущихъ изъ домовъ, которые черезъ минуту будутъ взорваны и превратятся въ развалины! Поскорѣ бы выздоровѣть, чтобы снова отправиться въ бой и хорошеенько проучить этихъ изверговъ“.

„Не сказать никакими словами, какъ гнусно они обращаются съ женщинами! — возмущается другой, тоже раненый. — Это покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. Этому не забыть, не простить. Если бы только въ Англійи знали, какъ они разстрѣливаютъ маленькихъ дѣвочекъ, — все взяли бы за оружіе, до единой!“

„Вамъ было бы очень жалько бельгійскихъ женщинъ, — пишетъ матери рядовой Робертъ Робертсонъ. — Онѣ вынуждены покидать свои гнѣзда и бѣжать куда глаза глядятъ. Дѣти цѣпляются за материнскія юбки. Вчера мы наткнулись на ужасную вещь: женщина, сейчасъ послѣ родовъ, бѣжала изъ дому вмѣстѣ съ младенцемъ. Младенца оторвали у нея отъ груди и ту грудь, которую онъ сосалъ, отрубили! Вслѣдъ за этимъ, на глазахъ у несчастной, проткнули ребенка штыкомъ. Мы ухаживали за ней,

<sup>\*)</sup> Томми Аткинсъ — такъ называютъ британцы солдата. Откуда взялось это имя? Рассказываютъ, что въ XVII вѣкѣ, во время покоренія Индіи, у воротъ одного индусскаго города стоялъ британскій часовой Томми Аткинсъ. Неприятель огромными полчищами наступалъ на городъ. Аткинсу было посланъ приказъ оставить постъ и присоединиться къ отступавшей британскій части. Приказъ не дошелъ во время, и Томми остался на посту, предъ лицомъ неминуемой смерти. Имя героя увѣковѣчено народной молвой. — Первая глава этихъ очерковъ скомпонована по книжкѣ Кильватрика „Tommy Atkins“. Остальные представляютъ собою выписки самостоятельныхъ писемъ.

какъ убили, но, рассказавъ намъ о своихъ пенитанціяхъ, она черезъ шесть часовъ умерла" \*).

О такомъ же лютомъ малочестивѣ ибмцахъ повѣствуетъ другое письмо, полученное отъ рядового артиллерійской бригады W. Palfrey:

„Ахъ, какіе ужасы я видѣлъ! Эти безбожные, безчеловѣчные зѣбри обезчестили пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и прибили ее гвоздями къ стѣнѣ, какъ рапищу, нелогично въ тѣло поскома. Это я видѣлъ своими глазами“... („Daily News“, 9 дек. 1914).

Мудрено ли, что каждый англійскій солдатъ чувствуетъ себя рыцаремъ, защитникомъ слабыхъ и сиротъ, отомстителей за невинно-поруганныхъ! Въѣдъ каждый изъ нихъ — волонтеръ: добровольно пришелъ изъ-за моря помогать, выручать, защищать! И едъ только слышится воякъ о помощи, они самоабвенно востутъ туда. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ рассказъ раненого офрейтора Ташора:

„Мы были въ бою весь день и въ вечеру мечтали объ отдыхѣ, когда дошелъ до насъ слухъ, что въ деревушкѣ Дуэ (Douai), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ, ибмцы напали на жителей. Въ потемкахъ, по знакомымъ мѣстамъ, кинулись мы тотчасъ туда. Намъ могли окружить каждый мигъ, ибмцы кинжалъ повсюду, но, конечно, мы думали только о томъ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей... Когда мы вошли въ Дуэ, жители



Въ разоренной Польшѣ.  
Крестьяно-бѣженцы.



Убитые германцы. Воткнутое въ землю  
ружье уже издали указываетъ санитарно-  
ному обходу мѣсто нахождения ране-  
ныхъ или убитыхъ.

намъ рассказали, что сдѣлали съ ними враги. Они уже успѣли зарѣзать нѣсколькихъ ребятнишекъ и женщинъ. Мы завинтили пистолеты и побѣжали на выручку. Слѣды погрома бросались въ глаза. Заслышавъ о нашемъ прибытіи, ибмцы убѣжали кто куда, а тѣ, что остались въ деревнѣ, попрятались по темнымъ угламъ. Мы обшарили всѣ дома, чердаки, веюду находили враговъ. Многие изъ нихъ сопротивлялись, но многие сдались добровольно“... (John Adcock, p. 66).

Въ другомъ письмѣ точно также рассказывается, какъ ирландскимъ стрѣлкамъ удалось защитить трехъ женщинъ отъ ибмцевъ. Ирландцы, въ количествѣ восьми челоѣкъ, отправились на ночную развѣдку. Въѣхали въ деревню, видятъ свѣтъ. Заглянули въ окно: полувнѣшныя ибмцы сидятъ за полуустыми бутылками; офицеръ взобрался на каминь, а солдаты окружаютъ двухъ дѣвушекъ и какую-то старую женщину.

„Мы поняли ихъ гнусные замыслы, — пишетъ ирландскій развѣдчикъ, — и, во-

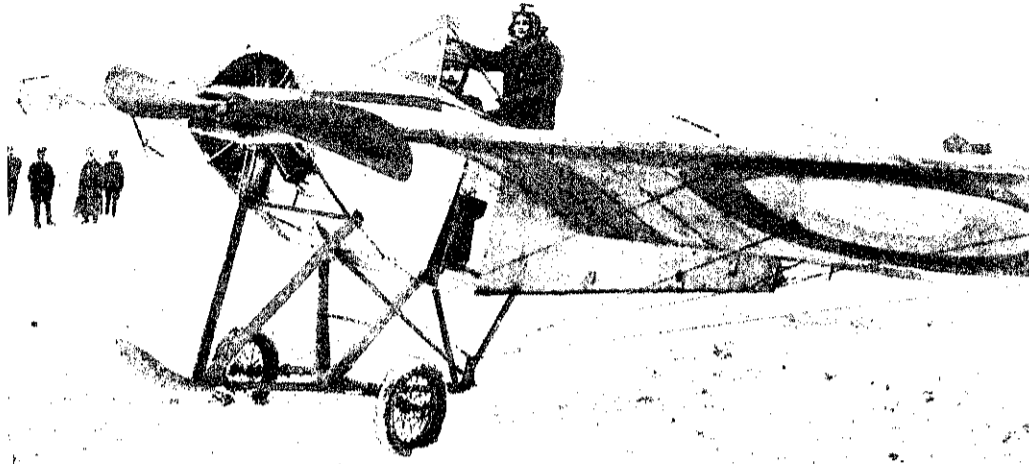


Обозъ на привалѣ.

\* ) „In the firing line“. Stories of the War by the Land and Sea. By A. St. John Adcock. Hodder and Stoughton, London, p.p. 32, 37.







Наши военные летчики.  
Передъ отлетомъ на развѣдку.

только подумайте, мамани! Этого не сдѣлали бы и пегры!" — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ своей матери. Ему положительно стыдно за нихъ. Гдѣ же у этихъ людей благородство! Выкидываютъ бѣлые флаги, кричатъ, что сдаются, просятъ пощадить, не стрѣлять, а когда бритавды, повернувъ ихъ бѣлому флагу, приближаются, чтобы взять ихъ въ плѣны, они внезапно открываютъ огонь и предательски убиваютъ добѣлчивыхъ! „Я былъ раненъ. Немцы нашли меня въ полѣ. Сражаться я не могъ, пришлось сдаться. Я закричалъ, что сдаюсь, и вручилъ имъ мой револьверъ. А они изъ моего же револьвера неожиданно — били въ меня! Подумали, что я убитъ, и ушли.“ Это рассказываетъ въ письмѣ капитана Роффи („Atkins at War“, by Kilpatrick, p. 107), и, къ сожа-



На позиціяхъ.  
Полевая батарея открыла огонь.  
По фот. нашего корреспондента.



Наши военные летчики. Послѣ развѣдки разсматриваютъ по картѣ непріятельскія позиціи.

лѣннѣ, такіе рассказы стали уже трафаретными. Въ самомъ разгарѣ боя вдругъ слышится сигналъ „отступать!“ Англичане отступаютъ, прекращаютъ стрѣльбу, и лишь потомъ узнаютъ, что были обмануты немцами: сигналъ исходилъ отъ нихъ. Ихъ трубачи имитировали звуки британской трубы!

Все это для бритавцевъ спорно. „Кто бы могъ такъ далеко подуматъ!“ — повторяютъ они въ тысячѣ писемъ. Зато, какъ они некриво рады, когда изъ случается истребить въ противней хоть одно благородство и мужество. Сказать о врагѣ „молодецъ!“ они не считаютъ зазорнымъ. Матросы, совершившіе знаменитый набѣгъ на Гельголандскую бухту,

отмѣчаютъ съ похвалой каждый сдѣланый поступокъ германцевъ. Мужество, героизмъ, отвага обладаютъ въ глазахъ англичанъ особой эстетической прелестью. Кто бы эти качества ни обнаружилъ, другъ или недругъ, чужой или свой, — англичане одинаково восхищаются ими. Замечивать доблестныя дѣянія врага они считали бы величайшимъ позоромъ. Есть что-то величавое въ той откровенности и смѣлой безкорыстной правдѣ, съ которой бритавцы во всеуслышаніе хвалятъ малѣйшія достоинства германцевъ.

„Они были молодцами, ой-Вогу, и дрались до послѣдней минуты“, — пишетъ о германскихъ матросахъ британскій матросъ Джонъ Диггеръ. („In the firing line“, p. 101).

„Немцы молодцы, дрались отлично!“ — восклицаетъ мичманъ Гартей. (Тамъ же, стр. 94).

„Ну жъ и дисциплина у нихъ! — пишетъ кавалеристъ Э. Тетволль. — Надаютъ, какъ статуи, и все же ни съ мѣста. Приказано стоять, они стоятъ.“

Съ той же откровенной прямоотой англичане неуклюже приветствуютъ всякое проявленіе гуманности, замѣченное ими у врага. Членъ парла-



Чересы на бивуаках.

мента лейтенантъ Обри Гербертъ, побывавшій въ нѣмецкомъ плѣну и пролежавшій 11 дней въ нѣмецкомъ полевомъ лазаретѣ, пишетъ своимъ роднымъ въ Сомерсетъ:

„По совѣти долженъ сказать, что, какъ пруссаки, такъ равно и баварцы, все, безъ различія чина, относились къ намъ хорошо и сердечно“. (Daily News, 17 окт. 1914).

Лейтенантъ Р. Р. Эрвинъ говоритъ то же самое. Его письмо напечатано въ книжкѣ г. Кильватрика, „Томми Аткинсъ на полѣ сраженія“, вышедшей осенью 1914 г. въ Лондонѣ. Въ той же книжкѣ приводится такое свидѣтельство одного капитана-ирландца:

„И за крѣпкимъ не лучше ухаживаютъ, чѣмъ ухаживали нѣмцы за мною, никогда я не лежалъ въ ихъ госпиталѣ“ (стр. 108).

Слѣдуетъ однако отмѣнить, что такое прекрасное обхожденіе съ плѣнными распространяется далеко не на всѣхъ. О немъ болѣе всего повѣствуютъ лейтенанты, капитаны, помковники. Нижніе чины британской арміи рассказываютъ совершенно другое, хотя и они не склонны огульно обвинять всѣхъ германцевъ. „Попадаются и нѣмцы хорошие, — наставляетъ гвардеецъ Рирдонъ. — Какъ-то ночью они намъ кричатъ: „Гвардейцы, подберите нашихъ раненыхъ!“ Мы пошли подбирать, а они — хоть бы выстрѣли! Это очень благородно, но правда ли?“

О такомъ же благородномъ поступкѣ врага рассказываетъ въ одной изъ своихъ телеграммъ британскій главнокомандующій сэръ Джонъ Френчъ. Въ самомъ началѣ войны одинъ изъ англійскихъ отрядовъ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и все же отказавшійся сдаться, былъ весь немилосердно истребленъ; уцѣлѣли только двое, и то раненые. Они должны были бросить оружіе, но нѣмецкій офицеръ, изъ уваженія къ героямъ, не только оставилъ оружіе при нихъ, но и попросилъ позволенія пожать у одного изъ нихъ руку.

Британцы живо почувствовали всю красоту этой сцены. Множество англійскихъ художниковъ запечатлѣли ее. Она стала одной изъ самыхъ популярныхъ военныхъ картинъ во всей Англій. Поле усеяно трупами. Раненый англійскій офицеръ беспомощно простертъ на носилкахъ; къ нему порывисто подходитъ тевтонъ и, къ изумленію всѣхъ, почтительно жметъ ему руку! Ничего, что этотъ тевтонъ есть тевтонъ, англичане рады признать его доблесть, рады громко прославить его, хотя, конечно, этому единичному проявленію рыцарства не изгладить въ ихъ умахъ никогда всего позорнаго, мучительно-



На передовыхъ позиціяхъ. Отдыхъ послѣ боя.

Изъ дѣйствующей арміи. По фот. нашего корреспондента.

страшнаго, что они узнали о нѣмцахъ. Напротивъ, одинъ благородный поступокъ лишь отмѣняетъ неблагородство другихъ... Точно также не желаютъ англичане замалчивать чисто-механическую силу противника. Они открыто воехваляютъ ее. Ихъ письма перестраиваются выраженіями:

„Нѣмецкіе прожекторы — прелесть...“

„Транспортъ у этихъ чертей — замѣчательный...“

„Ихъ артиллерія — чудо...“

Томми Аткинсъ побужден силой, которая направлена противъ него. Пусть эти пушки сулятъ ему смерть, но, если онъ хорошъ, онъ не откажетъ имъ въ спсень одобренія. Хотя, вообще говоря, Томми далеко не въ восторгѣ отъ нѣмецкой военной системы. Онъ находитъ въ ней много изъяновъ. „Нѣмцы наваливаются такой густой оравой, что, куда ни стрѣлай, все равно попадешь, — пишетъ онъ о приемахъ нѣмецкой атаки. —

Ихъ гонять, какъ барановъ на убой. Трудно не попасть въ эту гущу людей. Любая баба могла бы попасть“ и т. д.

Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что противникъ не умѣетъ стрѣлять. Въ качествѣ спортсмена, британецъ привыкъ уважать мѣткихъ и ловкихъ стрѣлковъ. Множество виртуозовъ стрѣлбы находятъ теперь въ англійской арміи. Какъ бѣдо они издѣваются надъ нѣмецкими стрѣлками!

„Артиллерія у нихъ хороша, но ружейная стрѣлба — просто смѣхъ, — пишетъ рядовой J. R. Tail, высказывая общее мнѣніе. — Нѣмецъ съ винтовкой — оселъ: онъ не попадетъ и въ стогъ сѣна!“

„Сиди въ окопахъ, мы съ Биллемъ обсудили нѣмецкую армію и пришли къ заключенію, что вся она — дрянь“ (rotten), — пишетъ одинъ рѣшительный юноша. Точно также всѣ письма единодушно свидѣтельствуютъ, что нѣмцы „боятся штыка“.

Но, конечно, не эти сужденія интересуютъ насъ болѣе всего въ письмахъ англійскихъ солдатъ. Мы приводимъ ихъ лишь мимоходомъ. Намъ дороги не они, а та массовая психологія, тотъ духъ, который въ этихъ письмахъ вскрывается.

IV. Солдатскія письма. — Набѣгъ на Гельголандскую бухту.

Эти солдатскія письма собраны въ двухъ англійскихъ книжкахъ, которыя сейчасъ предо мною. Одна называется „Аткинсъ на полѣ сраженія“, другая — „Въ боевомъ огнѣ“, и обѣ чрезвычайно картинно, живописно, пластически изображаютъ британ-

ских солдат. Первую составили Джамс Килпатрик, вторую — Джамс Эджок.

Книжки драгоцены, — особенно для русских читателей. Пора нам ближе познакомиться с Аткинсом. Французского солдата мы знаем, его героический образ, запечатленный в Наполеоновском эпосе, стал уже литературным шаблоном. Плотный правдивый облик русского «рядового Ипанова» тоже был не раз прославлен в созданных нами словосочетаниях. Не даром склонялся перед ним наш национальный мудрец Лев Толстой, утробный в нем носитель народной стихии, народной воли и правды. Но что мы знаем о британском солдате? Его душа сокрыта от нас. Он — наш соратник, подвижник, мы связаны с ним узами крови, и все же он для нас — незнакомец.



Наши союзники. Королевский смотр новой бельгийской армии во Фландрии.

Этого не случилось бы, если бы русское общество было ближе, короче, шире знакомо с тем самым самобытным созданием, которого зовут Томми Аткинсом.

О Томми написано много романов, баллад, повестей, но даже лучшие из них, — «Три солдата» и «Казарменный вбей» Р. Килпатрика, — досель не дождалось перевода на русский язык.

Впрочем, по поводу ни повестей ни романов. У нас, как мы видели, есть другой, более личный и точный: подлинный вбей Томми Аткинса. Я читаю эти вбей с восторгом, они для меня — откровение. Этих вбей — туча, легион. Ибей, кажется, британского солдата, сражающегося публично с германцами, который не посылал бы домой хоть коротенькой вбей записки. Если бы все это собралось издавать, потребовались бы сотни томов, которые на вбей вбей могли бы составить величайшую славу Британии, ибо нигде так полно и свободно не оказалась во всей красоте ее национальная сущность. Ть вбей, о которых и сейчас говорить, конечно, не могут исчерпать и тысячной доли вбей вбей. Он меня так увлек, что после них я стал жадно прочитывать ть вбей английских солдат и матросов, которые мне попадались в газетах: «Daily News», «Daily Chronicle», «Times», и теперь считаю своею обязанностью по-



Наши союзники. Английские войска, прибывшие во Францию.

Мы и рады бы его полюбить, но нельзя же любить незнакомого. Пользуясь нашим невежеством, какие-то темные люди уже стремятся очернить англичан перед нами, внушить нам недоверие к ним, поколебать в самом начале нашу дружбу, так что британский посол в Петроград был вынужден в своей памятной речи публично разоблачить эти проделки и напомнить нам о жертвах и подвигах, совершаемых нами британцами<sup>\*)</sup>.

\*) Вот отрывок из этой речи, произнесенной сэром Джорджем Вьюкененом на новогоднем банкете английской колонии в Петроград: «В настоящее время война вступает уже в шестой месяц, и мы, англичане, имеем все причины гордиться той ролью, которую сыграли в ней наша страна. Ть не менее небольшая и не уменьшающаяся часть населения России, по видимому, держится другой точки зрения в отношении того, что связано нами. Еще недавно различные стороны империи проповедовали крестовый поход против Англии, и небольшая группа их представителей прилагала все усилия к тому, чтобы посеять разлад между Россией и ее союзниками... Гд британский флот и что делает британская армия? — спрашивали эти господа в Петроград, в Москву и в Одессу. Я скажу им, что слышно британским флотом, и т. д. Русские газеты единодушно приветствовали это выступление британского посла. «Эта блестящая речь имеет красноречивый отпор тьм подпольным клеветникам, которые пытаются умалить значение громадных усилий Англии в великой борьбе с германскими державами и вселить недоверие к искренности британской политики», — говорят по этому поводу «Русское Слово».

знакомить с ними русское общество. Вот, например, вбей матроса Альфреда Винтона, участвовавшего в набв британцев на Гельголандскую бухту:

«Во время всего боя наш милый котенок сидел под



Наши союзники. Обучение новой английской армии. Тренировка на снегу Гайд-парка в Лондон.



Английская армия. Стрѣлки.

самымъ переднимъ орудіемъ и не боялся нисколько. Только первый выстрѣлъ напугалъ его чуточку, а потомъ онъ все сидѣлъ и унывался. Передъ началомъ пальбы мы волновались порядочно, но тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла стали очень веселы и все время смѣялись, пока не кончился бой. Тогда стали плакать и всхлипывать. Если меня убьютъ, не волнуйтесь: смерть не такая страшная вещь, какъ я думалъ. Все вчера было быстро, какъ молнія“.

Письмо классическое, написанное съ такимъ лаконизмомъ, который бываетъ присущъ лишь очень сильнымъ, простодушнымъ натурамъ. Въ немъ истинно-героическій стиль. И при

этомъ—дѣтская ясность души, свойственная однимъ морякамъ. Жаль, что въ газетахъ печатается такъ мало матросскихъ писемъ. Тѣ, что приводятся въ книжкѣ Эджкопа, составляютъ лучшее ея украшеніе. Вотъ письмо съ военнаго судна „Валханка“, посланное матросомъ Вильсономъ своей женѣ:

„Ты скоро прочитаешь въ газетахъ о нашей побѣдѣ на Сѣверномъ морѣ. Побѣда — первый сортъ, превосходная! Я только о томъ и мечтаю, чтобы весь неприятельскій флотъ вышелъ сразиться съ нами. Тогда бы мы скоро вернулись домой. Стрѣляютъ они дрявно, а наши—безъ промаху. Оттого-то проклятые спрятались, боятся, и носу не высунуть. Пришлось намъ выкуривать ихъ изъ норы. Все ихъ море усыяно минами; наткнувшись на мину—капуть! Командиръ истребителя „Liberty“ вызвалъ изъ своей



Английская армия.  
Офицеръ и барабанщикъ.



Английская армия во Франціи.  
Мэръ и представители города и арміи приветствуютъ английскихъ офицеровъ.

команды охотниковъ: не согласится ли кто вмѣстѣ съ нами пробраться въ самую Кильскую гавань, въ гости къ нѣмцу,—и каждый отвѣтилъ: „согласенъ!“, хотя это сулило имъ вѣрную смерть. И они таки-пробрались туда, къ самымъ Гельголандскимъ фортамъ, и продырявили нѣсколько крейсеровъ. Нѣмецъ выпустилъ въ нихъ такую гибель снарядовъ, что могъ бы потопить цѣлый флотъ; и такъ какъ у нихъ запасы подходили къ концу, то поневолѣ пришлось уходить. Они уже повернули назадъ, вдругъ налетаетъ шрапнель, сбиваетъ мачту, убиваетъ капитана и трехъ членовъ изъ команды. Штурманъ, хоть и раненый, принимаетъ на себя управленіе судномъ и благополучно выводитъ его изъ опасности. Мы молили Бога, чтобы даровалъ намъ побѣду, мы побѣдимъ непременно, ибо въ нашемъ флотѣ у каждого Джэка воинстину львиное сердце!“

Такихъ писемъ предомногу десятки. Все они посвящены одному эпизоду,—набѣгу на Гельголандскую бухту. Чтѣ мы слышали объ этомъ набѣгѣ? Почти ничего, двѣ-три фразы. Официальныя сухія слова, лишеныя красокъ и образовъ: такого-то августа такого-то суда англичанъ пробрались съ безоглядной смѣлостью къ самой неприятельской гавани и послѣ жестокаго боя одержали побѣду надъ нѣмцами. А тутъ



намъ дается возможность увидеть лицом къ лицу самих участников этого подвига, услышать изъ ихъ устъ все подробности и, главное, ощутить непосредственно ту нравственную атмосферу, тотъ духъ, который и далъ имъ возможность совершить это безпримѣрное дѣло.

Вотъ письмо съ одного броненосца:  
„Наконецъ-то добрались мы до нѣмцевъ. Дѣло было жаркое, ей-Богу: семь часовъ длился бой! Выстрѣлы за выстрѣлами, выстрѣлы за выстрѣлами. Мнѣ было очень приятно глядѣть, какъ четыре нѣмецкихъ судна другъ за дружкой погружались на дно. Каждую секунду могъ прийти нашъ чередъ: снаряды такъ и летали вокругъ... Но все наши были очень спокойны: словно это не война, а маневры, смѣлились, шутили, остряли, думали лишь объ одномъ: насолить бы нѣмцу получше. И насолить отлично! По слухамъ, враги потеряли около 1.500 человекъ. Не постигаю, какъ это намъ удалось ускользнуть: не только съ крейсерами, но и съ гельголандскихъ фортами ихъ выстрѣлы достигали до насъ. Скоро ли выдастся случай дать имъ новую тренику опять?“

Характерна эта жажда британскихъ матросовъ добраться поскорѣе до врага. — „Гдѣ же ихъ главный флотъ? — спрашиваетъ одинъ изъ вискаскетовъ. — Хоронится въ Кильскомъ порту; по стѣнѣ ему выйти оттуда, онъ уже не вернется назадъ!“ (стр. 98).

Джонъ Диггетъ, матросъ, лишь о томъ и твердитъ:  
„Когда же ихъ флотъ сонно пойдетъ къ намъ выйти? Мы ждемъ, а онъ все не выходитъ. Пусть только высунетъ носъ. Достанется же ему на орѣхи!“

Эта жалоба—неизбѣжный рефренъ чуть не каждого матросскаго письма.

„Ну что же, подождемъ, ничего! Старый Пельсонъ выжидалъ цѣлый годъ и дождался-таки французскаго флота“. — угѣшаетъ себя юнга Брюсъ въ письмѣ къ своему отцу. („Daily News“, 21 дек.).

Когда же наконецъ эти люди дорвутся до боя, они не помнятъ себя отъ азарта. „Нашему офицеру оторвало обѣ ноги, а онъ — никакого вниманія; кричитъ какъ ни въ чемъ не бывало: бой ихъ, ребята, пали!“ — рассказываетъ тотъ же Джонъ Диггетъ.

Даже скромный пароходный телеграфистъ Вирнъ Франкисъ, и тотъ чувствуетъ воинственный пылъ. „Наконецъ-то мы поухаживали пороку, — радостно сообщаетъ онъ. — Отлично. Я очень доволенъ. Иду не дожидаясь повторенія!“ (стр. 108—109).

Все они буквально захлебываются, описывая этотъ доразкѣ набѣгъ. „Довко же мы налетѣли на нѣмцевъ! Наше судно не пострадало нисколько, хоть они и палили въ него. Здорово раздѣлался нашъ „Лайонъ“ съ ихъ крейсерами! Весело было смотреть! Тотъ все палилъ и палилъ, а „Лайонъ“ — ни единого выстрѣла. Минутъ десять тратилъ нѣмецъ заряды, а „Лайонъ“ только скомацковалъ: пла! — и отъ нѣмца ничего не осталось. Прикончили съ перваго выстрѣла. Когда разсѣялся пучечный дымъ, увидѣли: крейсеръ уже на боку, задняя труба покачнулась, и вдоль всего борта зияетъ огромная трещина!“ (стр. 106—107).

Такого же ныла исполнено письмо бомбардира Т. Уайта:

„Тратилъ выстрѣловъ намъ не пришлось. Одно ихъ суденышко мы прикончили съ перваго разу. Мѣткій выстрѣлъ, не правда ли? Ну ужъ и заманчивалъ тотъ молодецъ, которому удалось это сдѣлать. Теперь онъ первая персона на всемъ суднѣ. Нѣмцы, кажется, и сами увидѣли, что десять ихъ выстрѣловъ не сравняются съ нашимъ однимъ. Такъ что, кажется, нашимъ ребятамъ и пострѣлять не придется. Первый же закончить все дѣло, а остальные — сиди, сложа руки. Этакъ мы побываемъ въ десяткѣ сраженій, и лишь немногимъ счастливицамъ удастся направить орудіе въ нѣмца!“ (стр. 109).

Если бы не этотъ бравадный, мажорный, лихой, самонадѣянный духъ, взлелѣанный многолѣтними традиціями, — какъ могли бы эти люди столь просто и весело выполнять свой упомогаемый подвигъ! Видъ главное не въ отдѣльных бояхъ, а въ рутинной, повседневной-будничной жизни, среди ежеминутныхъ смертей на этой стальной скорлупѣ, которая въ каждый моментъ можетъ взорваться на воздухъ!

Эта рутинная страшнѣе всего, страшнѣе всякихъ боевъ и набѣговъ; вотъ какими мрачными красками изображаетъ ее одинъ морской офицеръ, плавающий теперь въ Сѣверномъ морѣ:

„Ночью дуетъ отчаянный вѣтеръ, холодный, какъ ледъ. На

дѣкѣ черно: огнемъ жгутъ. Каждый матросъ — у орудія. Никто не знаетъ, что случится сейчасъ: можетъ-быть — мина, можетъ-быть — подводная лодка, можетъ-быть — неприятельскій крейсеръ. А волны окатываютъ тебя съ головой, чтобы ты не заснулъ ни на мигъ, и безпрестанно заливаютъ тебѣ за воротъ нѣсколько стакановъ ледяно-холодной воды. Въ сутки опишь три-четыре часа и только одному поражаешься: какъ легко и безропотно выносятся наши люди эту каторгу“. („Daily News“, 12 дек. 1914).

Нуженъ вонетни героическій духъ, чтобы въ теченіе мѣсяцевъ подвергаться такимъ испытаніямъ. Мудрено ли, что этотъ офицеръ восклицаетъ:

„Что же нѣмцы, какъ бабы, все прячутся! Вышли бы и дали намъ бой!“

Но именно въ такихъ испытаніяхъ, сказывается закаленная воля британцевъ. „Подождимъ флотилію Вильгельма, мы стараемся веселиться во-всю. Случается, вечерами задаемъ такіе концерты, что любо!“ — пишетъ штурманъ броненосца „Тэльботъ“.

А какъ величаво умѣютъ они умирать!.. Потопленный нѣмцами крейсеръ „Монмаутъ“ передъ тѣмъ, какъ погрузиться на дно, сигнализируетъ другому броненосцу: „Я тону, мои машины разбиты, въ носу огромная течь, но все же я иду на врага и попробую послать въ него мина“.

Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же мигъ онъ скрылся подъ водой.

„Мы все прослезились, ей-Богу, когда капитанъ прочиталъ намъ этотъ предсмертный сигналъ“, — пишетъ морской офицеръ, наблюдавшій величавую гибель „Монмаута“. („Daily News“, 21 дек. 1914).

Это какая-то особая порода людей! Въ той же газетѣ мельчайшимъ шрифтомъ, гдѣ-то на задворкахъ, какъ нѣчто весьма обыкновенное, напечатано такое письмо:

„Мы сопровождали первую партію войскъ, отправляемыхъ изъ Канады въ Англію. Среди океана одинъ изъ подштурмановъ свалился за бортъ и началъ тонуть. Нашъ командиръ лейтенантъ Барнесъ увидѣлъ его паденіе и, невзирая на бурю, немедленно кинулся въ море. Подштурмана спасти не удалось, но каковъ нашъ лейтенантъ! Молодецъ!“ (12 дек. 1914).

Какъ мы уже видѣли, английскіе матросы и солдаты, съ прямодушнѣе смѣлыхъ людей, не боятся громко привѣтствовать всякій смѣлый поступокъ врага. Описывая Гельголандскую битву, они неоднократно отмѣчаютъ, что „есть и среди нѣмцевъ герои“. Особенно поправилось имъ, что иные изъ нѣмецкихъ судовъ, погружаясь на дно, не желали опускать свои флаги и палили до послѣдней возможности, не проси о пощады. Но и здѣсь ихъ нравственное чувство было не разъ возмущаемо „грязными предметами“ (dirty tricks) нѣмцевъ. Ихъ письма единодушно свидетельствуютъ, что нѣмцы открывали огонь по ихъ спасательнымъ лодкамъ, не исключая тѣхъ случаевъ, когда эти лодки спасали именно тонущихъ нѣмцевъ. Одинъ нидерландецъ съ возмущеніемъ рассказываетъ:

„Нѣмцы вѣдь добрались къ нашимъ крейсерамъ и на ломаномъ английскомъ языкѣ просили подобрать ихъ на бортъ. Страшно было видѣть окровавленныхъ раненыхъ, барахтающихся въ водѣ, и мы, бросивъ имъ наши спасательные пояса и протянувъ имъ веревки, спустили къ нимъ нѣсколько лодокъ. Съ другихъ нашихъ судовъ имъ на помощь тоже были спущены шлюпки. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, большой четырехтрубный неприятельскій крейсеръ начинаетъ палить въ эти лодочки изъ одиннадцати-дюймовыхъ орудій — сразу изъ семи или восьми!“ (стр. 95).

„Задали же мы имъ перцу за это!“ — восклицаетъ другой матросъ, рассказавъ о такомъ же вѣроломномъ поступкѣ германцевъ. Третій выражается такъ: „Я думаю, два ихъ суденышка носились бы по волнамъ и поныли, но такъ какъ они открыли огонь по нашимъ спасательнымъ шлюпкамъ, когда мы подбирали ихъ же раненыхъ, то мы отправили ихъ въ тартарары!“ (стр. 106).

Какъ бы ни были случайны и скудны эти мимолетные отрывки изъ писемъ, я увѣренъ, они гораздо ярче и жизненнѣе изображаютъ предъ нами самую сущность событий, чѣмъ талантливѣйшіе очерки опытныхъ газетныхъ корреспондентовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

## ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1915 г., къ 1 апрѣля слѣдовало внести **не менѣе 4 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала со 2-го мая — **съ 18-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандажолы или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **28 коп.** и **печатный адресъ.**